

18+

Мерлин Тэйлор

**ТАМ, ГДЕ БРОДЯТ
КАННИБАЛЫ**

Мерлин Тэйлор

Там, где бродят каннибалы

«Издательские решения»

Тэйлор М.

Там, где бродят каннибалы / М. Тэйлор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597905-6

Мерлин Тэйлор (1886 — 1939) — американский журналист, в середине 1920-х годов по заданию редакции газеты предпринял в Новую Гвинею экспедицию, которая, по независящим от автора обстоятельствам, превратилась в правительственный рейд по пресечению вспышки каннибализма в горных районах острова.

ISBN 978-5-00-597905-6

© Тэйлор М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	6
Глава I. Неизведанная Новая Гвинея	8
Глава II. Свинья гораздо дороже жены	15
Глава III. Колдуны Новой Гвинеи	22
Глава IV. Мы разозлили колдуна	28
Глава V. Месть колдуна	31
Глава VI. Люди с хвостами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Там, где бродят каннибалы

Мерлин Тэйлор

Анатолий Павлович Смирнов *Переводчик*

© Мерлин Тэйлор, 2023

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0059-7905-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Мерлин Тэйлор (1886 – 1939) – американский журналист, в середине 1920-х годов по заданию редакции газеты предпринял экспедицию в Новую Гвинею. С двумя товарищами ему пришлось провести несколько полных приключений недель среди каннибальских племен в джунглях и в горах Папуа. Собранного им материала хватило не только для нескольких статей в газетах и журналах, но и для написания настоящей книги с фактически детективным сюжетом.

Еще один участник экспедиции, австралийский фотограф Гарри Даунинг (1893 – 1960), в 1927 году издал альбом фотографий, отснятых за время его путешествий с Тэйлором.

Третий участник экспедиции, Ричард Хамфрис, также написал книгу о своем патрулировании джунглей Новой Гвинеи во главе отряда туземных полицейских. Эта книга под названием «Патруль в стране людоедов» вскоре появится в русском переводе в интернет-магазинах.

Перед тем, как перейти непосредственно к тексту, я хотел бы, в качестве рекламы, ознакомить читателей с книгами, которые переведены мной на русский язык за последние несколько лет. Многие из перечисленных ниже книг есть в интернет-магазинах «Литрес» и «Озон». Если кого-нибудь заинтересует моя работа, буду рад помочь в поисках указанной литературы. Пишите на почту lmu52@mail.ru

– 8 томов. **«История британского флота»**

«Кругосветное плавание командора Ансона. Охота за испанским „серебряным“ галеоном».

3 тома, 580 страниц, 96 иллюстраций и географических карт. **«Операция „Эмин-паша“»** –

– 2 тома, 361 страница, 175 фотографий и рисунков. **«Под солнцем Африки. Охотничьи и военные приключения»**

– 221 страница, 54 иллюстрации. **«Англо-зулусская война и другие военные конфликты в Южной Африке»**

– 154 страницы, 40 иллюстраций. **«Обзор Кафрской и Зулусской войн 1878—1879 г.г.»**

– 3 тома, 802 страницы, 139 иллюстраций. **«Журнал экспедиции, открывшей исток Нила»**

– в 4-х частях. **«Охота в джунглях Индии и саваннах Африки»**

– 184 страницы, 69 иллюстраций и географических карт. **«Земля пигмеев»**

– 4 тома, 679 страниц, 78 иллюстраций и географических карт. **«Первый европеец на озере Альберт»**

– 2 тома, 270 страниц, 48 иллюстраций и географических карт. **«Проклятье Центральной Африки»**

– 4 тома, 260 фотографий и географических карт. **«6000 миль по рекам дикой Африки»**

– 2 тома, 310 страниц, 67 иллюстраций и географических карт. **«Индийские войны и пионеры Техаса»**

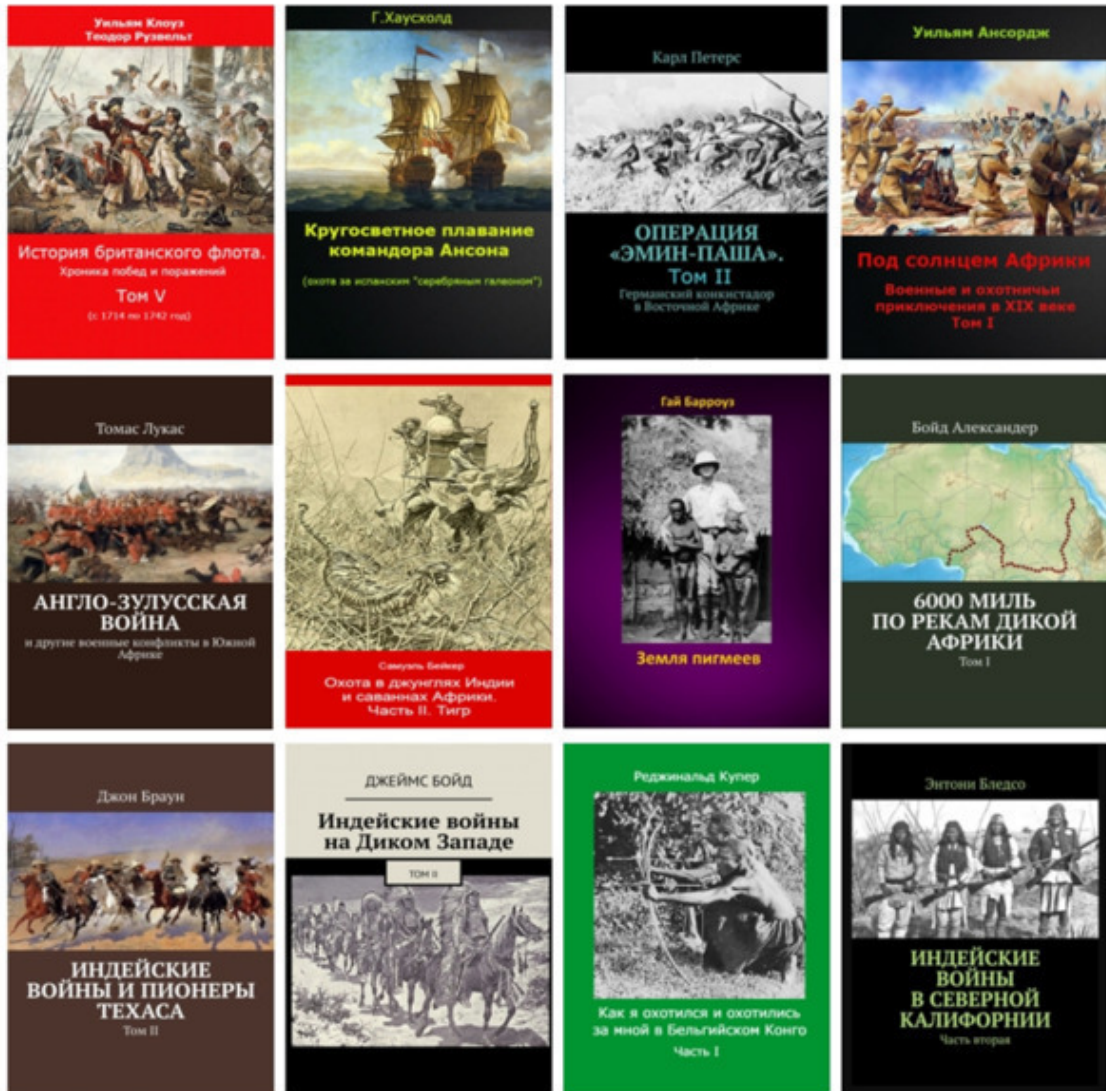
– 2 тома, 356 страниц, 98 фотографий, рисунков и географических карт. **«Индийские войны на Диком Западе»**

– 150 страниц, 17 иллюстраций. **«Авантюрист из Сент-Луиса – вождь краснокожих»**

– 208 страниц, 70 иллюстраций, диаграмм, карт и схем сражений. **«Британия в войнах и сражениях»**

– 2 части, 286 страниц **«Как я охотился и охотились за мной в Бельгийском Конго»**

– 2 части, 266 страниц **«Индийские войны в Северной Калифорнии»**

Глава I. Неизведанная Новая Гвинея

Я видел самые глухие части мрачного Папуа, куда не ступала нога другого белого человека, и я никогда этого не забуду. Слишком глубоко врезались в мою память его бесконечные, сырые джунгли; его горные хребты, вершины которых теряются среди клубящихся туманов, его ужасающие пропасти и стремительные потоки; и конечно, жестокость каннибалов, их внешность и смрад их деревушек.

Остров Новая Гвинея (красная стрелка)

Даже сейчас, за тысячи миль от всего этого и с воспоминаниями, потускневшими от времени, я часто оказываюсь во власти кошмаров, в которых я снова переживаю те дни и ночи, когда Папуа потрясло самую сердцевину моего существа.

Снова меня окружают голые чернокожие мужчины, чьи пристальные глаза сосредоточены на мне, наблюдая и ожидая тот момент ослабления моей бдительности, который даст им возможность нанести удар. Снова я слышу их дикие крики в ночи, зловеще звенящие эхом через пропасти от скалы к скале... Я снова вижу их на тропе передо мной во все возрастающем количестве, их луки натянуты, копыя наготове...

Да, в Папуа такие ситуации не редкость. Остров оставляет свой отпечаток на всех, кто его посещает. Некоторые улавливают только его живописную сторону и приходят в восторг. Другим открывается Природа в ее самом жестоком проявлении: затаившаяся у лесной тропы, чтобы напугать или свести с ума, покалечить или убить. Если Вы любите Папуа или ненавидите его – вы делаете то или другое одинаково страстно.

Папуа – это та часть Новой Гвинеи, которая стала британским владением с момента ее формальной аннексии в 1883 году; хотя еще в 1846 году британский военно-морской офицер завладел южной частью острова, но правительство Великобритании не сразу последовало этому примеру. На западе колония граничит с голландской Новой Гвинеей, а на севере – с бывшей немецкой Новой Гвинеей, перешедшей под контроль Австралийского Союза во время мировой войны. Новую Гвинею сравнивают с огромной птицей, парящей над севером австралийского континента. Продолжая сравнение, Папуа можно назвать хвостом этой птицы. В своей самой длинной части с востока на запад Папуа имеет длину около 800 миль, в то время как его наибольшая ширина составляет около 200 миль, а его береговая линия 1738 миль. На соседних островах Папуа имеет дополнительную береговую линию протяженностью 1936 миль. Из его приблизительной площади в 90 540 квадратных миль 87 786 приходится на главный остров.

Новая Гвинея перед Первой Мировой войной. Голландская Новая Гвинея (оранжевый цвет), Германская Новая Гвинея (черный цвет), Британская Новая Гвинея или Папуа (красный цвет)

Северо-западная оконечность Папуа простирается до 5-й параллели южной широты в точке, где она пересекается со 141-м градусом долготы, и граница проходит по этой линии на юг до Арафурского моря, за исключением территории между 6-м и 7-м градусом южной широты, где она изгибается в сторону территории Нидерландов, чтобы следовать по западному берегу реки Флай. На юго-восток папуасская территория простирается до пересечения 12-й параллели и 155-го градуса долготы, чтобы охватить острова архипелага Луизиада.

Вдоль границы бывшей Германской Новой Гвинеи и простираясь до юго-восточной оконечности Папуасских гор проходит цепь гор хребта Оуэн-Стэнли, который фактически составляет часть острова, лежащую между 145-м и 151-м градусами восточной долготы.

Это масса крутых пиков, часто доходящих до кромки воды и распространенных в пределах двадцати миль от южного побережья. Всю эту горную систему обычно называют очень расплывчатым термином «Главный хребет».

В основном из-за трудностей передвижения по горам и транспортировки припасов половина Папуа вообще никогда не исследовалась, а о другой половине известно немного. Государственные чиновники эпизодически совершали полеты над некоторыми из более отдаленных мест, но исследователи, как правило, избегали внутренних районов Папуа или были изгнаны оттуда людоедами. Даже Д'Альбертис, опытный итальянский исследователь, внесший большой вклад в изучение Папуа, отказывался идти в горы.

«Легче, – писал он, – взойти на высочайшие вершины европейских Альп с альпенштоком, чем пересечь обычный холм Новой Гвинеи».

** Луиджи Мария д'Альбертис (1841 – 1901) – итальянский путешественник и орнитолог. В 1871 – 1872 и в 1875 – 1877 годах совершил две экспедиции в Новую Гвинею (примечание переводчика, далее – А.С.)*

Не зная всего этого, я был рад возможности отправиться во внутренние районы Папуа, которая представилась мне, когда я был в Сиднее, Австралия. Его Превосходительство Дж. Х. П. Мюррей,* который около двадцати лет был вице-губернатором Папуа, в то время находился в этом австралийском городе.

** Джон Хьюберт Планкетт Мюррей (1861 – 1940) – вице-губернатор Британской Новой Гвинеи с 1908 года до своей смерти – А.С.*

Какое-то время он отказывался дать разрешение на экспедицию в неизведанные земли каннибалов. Он не был заинтересован в том, чтобы писатели или фотографы слонялись по лесам и горам, возбуждая туземцев. Кроме того, всего за год до этого внештатный сотрудник австралийской газеты, которому он разрешил сопровождать себя в инспекционной поездке, как выразился секретарь Его Превосходительства, «гносно предал» его.

«Вы знаете, что случилось? – спросил секретарь. – Этот парень прибыл в Порт-Морсби в качестве гостя Дома правительства, проплыл с губернатором на его яхте вдоль побережья и вместе с ним отправился вглубь страны. Они собирались на миссионерскую станцию примерно в шестидесяти милях отсюда, чтобы осмотреть новый участок дороги, проложенной миссионерами на тщательно контролируемой территории – чисто рутинная обязанность. У губернатора не было никакого оружия, но он носил с собой палку, которая помогала ему преодолевать неровности дороги. Там в этом районе уже несколько месяцев не было ни одного убийства. Большинство туземцев были новообращенными христианами. Они помогали строить дороги, и почти в каждой деревне был туземный констебль, толстеющий и ленивый, потому что ему нечего было делать. Ну-с, примерно на второй день его превосходительство подвернул лодыжку, и его пришлось нести обратно на берег. Он не хотел портить этому парню-журналисту сбор материала для статьи, поэтому отправил его дальше с парой туземных полицейских. Несколько недель спустя я снова увидел его в Порт-Морсби, и журналист был так благодарен губернатору, что чуть не плакал от счастья».

Секретарь сделал паузу, как будто превозмогал отвращение, чтобы продолжить рассказ.

«Когда он вернулся в Австралию, его воображение убежало совсем в другую сторону от действительности, – продолжил секретарь через некоторое время. – Он писал рассказы о леденящих кровь приключениях и острых ощущениях, о битве с людоедами, в которой, Его Превосходительство возглавлял атаку, дико размахивая мечом, и в которой сам журналист играл не последнюю роль. Затем этот австралиец совершил поездку в Англию, где читал лекции о своих так называемых исследованиях и приключениях в Папуа и, черт возьми, Королевское Географическое Общество зачислило его в свои члены. Вот так-то!»

«Я собираюсь сделать то, о чем вы просите, – неожиданно сказал господин Мюррей. – Я думаю, с вами будет все в порядке, и вы сможете отправиться вглубь страны, если захотите. Более того. Я пришлю одного из своих людей, Ричарда Хамфриса, прошедшего довольно долгое время на службе в Папуа и идеального проводника для вас, и дам вам дюжину туземных вооруженных констеблей в качестве телохранителей».

«Нет, – сказал он, отмахиваясь от попытки поблагодарить его, – я не хочу никакой благодарности. Разрешив вам вообще идти, я обязан отправить с вами полицейских, таково правило. Лучше послать их с вами, чем послать их же за вами через несколько недель, не имея о вас никаких известий. И не факт, что они придут вовремя, чтобы спасти вас от кипящего котла на каннибальском пиру».

Ричард Хамфрис, о котором упомянул вице-губернатор, находился в Сиднее в отпуске, до конца которого оставался еще месяц или два. Однако он в спешке отменил его, чтобы пойти с нами. Первоначально предполагалось, что в отряде должны быть четыре белых человека, и на этой основе были закуплены припасы и собрано оборудование. Четвертый человек, однако, потерял сознание после двух дней легкой ходьбы по ровной прибрежной местности и вернулся к побережью на каноэ, лошадях и поддерживаемый парой туземцев.

Гарри Даунинг, молодой австралийский фотограф, служивший во время мировой войны в медицинском госпитале, был третьим белым человеком в отряде. Каким хорошим приятелем он оказался!

И вот мы, три недели спустя, на одном из двух маленьких пароходов, поддерживающих линию между Папуа и внешним миром. В трюмах находилось около пяти тонн консервов, палатки, прочая атрибутика и фототехника.

На второй день на борту мы обнаружили, что не одиноки в своем желании увидеть и сфотографировать внутреннюю часть Новой Гвинеи. Там были два офицера британской армии, розовощекие, светловолосые, с красивыми усами, усердно занимавшиеся антропологией (своим хобби). Там же был коллекционер-орнитолог с еще не просроченным разрешением на отлов семидесяти двух пар райских птиц, надеющийся получить еще одно разрешение, несмотря на то, что по какой-то причине он был на плохом счету у правительства. Был еще четвертый человек, который каждое утро занимал обеденный стол, как только убрали все, что осталось после завтрака, и без конца стучал по громоздкой пишущей машинке. Это был тот самый журналист, получивший признание Королевского Географического Общества Англии за его доклад об «атаке» губернатора во главе своих людей против диких каннибалов.

Эти четверо мужчин с подозрением относились друг к другу, и когда они вообще упоминали о своих планах, то туманно и с таинственными намеками на то, что они ожидали, когда мы доберемся до Порт-Морсби. Это «что-то», как мы обнаружили позже, заключалось в том, что каждый из них втайне надеялся присоединиться к нам. Они не знали, что мы все договорились остановиться в Порт-Морсби только на ночь.

Забегая вперед, скажу. Ловец птиц упал со скалы и получил тяжелые ранения вскоре после того, как отправился вглубь страны. Что же касается журналиста, то он нашел в Порт-Морсби что угодно, кроме вывешенного для него знака «Добро пожаловать», и провел там пару неприятных недель, прежде чем смог вернуться в Сидней.

Порт-Морсби

На пристани в Порт-Морсби мы обнаружили, что нас ждет 3000 фунтов (1350 кг) риса – пища для туземцев, а также отряд из дюжины вооруженных констеблей в живописных блузах и юбках до колен синего цвета с красной окантовкой, вооруженных винтовками и опоясанных патронташами, полными патронов. Они заранее получили приказ явиться к Хамфрису. Там же стояли двое таможенников.

«Почему вы суетесь в наши вещи? – спросил Хамфрис таможенников. – Это санкционированная губернатором экспедиция, предназначенная для получения информации и фотографий для использования правительством. Наша цель посетить горные племена и попытаться сделать их дружелюбными. Что за идея пытаться собирать с нас пошлину? Разве Его Превосходительство не сообщил вам, что эти грузы должны ввозиться беспошлинно? Губернатор сказал, что это будет именно так».

Порт-Морсби в 1920-х годах

Хамфрис воинственно выставил челюсть навстречу таможеннику. Но тот не был потрясен такой демонстрацией.

«Хвала Аллаху, – сказал он с ухмылкой, – таких указаний от Его Превосходительства не поступало. Если он и намеревался их дать, то, должно быть, передумал, взглянув на последний финансовый отчет правительства. В этом году нас ждет еще один дефицит бюджета, и я, например, собираюсь получить с этого янки доллары, пока на них есть спрос».

Он также взял с нас тридцать с лишним британских фунтов, когда на следующее утро оценивал наши вещи, переправленные на остров Йул.

Остров Йул находится в шестидесяти милях к северо-западу от Порт-Морсби, столицы Папуа, и еще до рассвета мы вошли в окружающие его воды залива Холл-Саунд. Капитан Хиллман, шкипер «Моринды», как обычно спешил, чтобы отправиться в путь, и потянул вниз трос судовой сирены, которая продолжала реветь, пока мы не увидели, как на холме бородатые священники из Миссии Святого Сердца сбегают к берегу и прыгают в каноэ, которые их туземные слуги уже спустили на воду. Эти миссионеры и их слуги также работали грузчиками, помогая нам разгружать из каноэ и складывать на берегу наши вещи. Они отказывались брать плату за работу, хотя позже приняли от нас скромное пожертвование.

Порт-Морсби (красная стрелка), остров Йул (белая стрелка), залив Холл-Саунд (желтая стрелка). Расстояние между Морсби и островом – 100 км.

«Это, – сказал Хамфрис, указывая на выступ на другом конце острова, – Кайруку, правительственная станция. А это, – указывая на вельбот с крепкими констеблями и белым человеком в парусиновых брюках, – должен быть Линкольн Гарфилд Грант Коннелли, глава местного колониального офиса.* Он британец, как и я, и один из представителей Его Величества в дальних уголках земли, но, судя по его тройному имени, раньше это был американец, о чем он имел право прокричать уже при крещении».

** Нет никакого определенного названия различных должностей чиновников среднего и младшего ранга в колониальном правительстве Новой Гвинеи. Сами они называют себя и друг друга магистратами. В дальнейшем и я буду использовать этот термин – примечание автора.*

Примерно в это время выглянуло солнце, и указательный палец Хамфриса метнулся к северу, где далеко в глубине суши виднелись хребты над окружающим их туманом.

«Ага-а, – воскликнул он, как человек, узнавший старого друга, – вот гора Йоль, эта самая высокая вершина, а к северу и востоку от Йоля нас ждет наше великое приключение».

«Было бы хорошо побыстрее отправиться в путь» – сказал я.

Хамфрис повернулся ко мне лицом:

«Ты никогда не ходил по тропам Папуа. У них нет начала, и они ведут в никуда».

«Это даже лучше, – прервал я его. – Тогда нам не нужно идти в какое-то особое место, и мы сможем следовать туда, куда приведет случай. Мне это нравится».

«Да поможет бог твоему невежеству» – с сожалением возразил он и, пошел приветствовать местного магистрата.

Глава II. Свинья гораздо дороже жены

«Откуда вам прислать носильщиков?» – спросил магистрат Коннелли, когда разместил нас с сумкой и багажом в своем бунгало в Кайруку.

Хамфрис усмехнулся.

«Из деревень Вайма и Кивори, – ответил он. – По крайней мере, так предложил Его Превосходительство. Он хочет им отомстить, а память у него хорошая».

Он повернулся к нам:

«Эти туземцы Вайма и Кивори – плутократы Новой Гвинеи. Они владеют хорошей землей, много ее продали миссиям и плантаторам и имеют больше туземных богатств, чем любые другие. Они толстые и ленивые и...»

«И могут сбежать, – вставил Коннелли, подхватив рассказ. – Два года назад губернатор собирался в поход вглубь страны. Мужчины Ваймы и Кивори были рекомендованы ему, как носильщики. Они донесли грузы только до места, где начиналась трудная тропа, сбросили свои поклажи и ушли домой. Его Превосходительству пришлось ждать посреди джунглей, пока полиция не отправится за новыми носильщиками. Он был в бешенстве и отдал приказ схватить всех до единого дезертиров и посадить в тюрьму на три месяца. Здесь это наказуемое деяние – отказаться от переноски грузов для правительственной партии. Моя полиция измотала себя, лоя мерзавцев».

«О, на этот раз поймать их не составит труда, – уверенно сказал Хамфрис. – Я руководил здесь два года и вселил в них страх перед правительством. Они называли меня „человеком, который нас встряхивает“. Не сомневаюсь, что меня помнят».

«Что ж, я пошлю за ними полицию, – без особого энтузиазма сказал Коннелли, – Сколько человек ты хочешь?»

«Сто двадцать, – быстро ответил Хамфрис, – Мы дадим им по шиллингу, обеспечим трехразовое питание в день и пачку табака в неделю. Это государственная такса. Пригласи их сюда в среду утром».

«Хорошо!» – сказал Коннелли и вышел, чтобы сообщить об этом полицейским в казарме.

Понедельник и вторник мы потратили на то, чтобы привести в порядок грузы, чтобы не превышать разрешенного правительством веса в пятьдесят фунтов (22,5 кг) на человека. Когда поздно вечером во вторник мы легли спать, не было никаких признаков появления полиции, которая вышла к деревням, чтобы привести носильщиков. Ближе к рассвету мы услышали топот босых ног на дорожке под нашими окнами, ненормативную лексику на пиджин-английском * от полицейских и гневные ответы тех, кого они выстроили в некое подобие шеренги.

* *Pidgin English* – упрощенный английский язык, являющийся средством общения разных туземных этнических групп, говорящих на взаимно непонятных языках – А.С.

Мы вышли в пижамах, чтобы осмотреть строй. Навстречу нам вышел констебль. Он устало выполнил своей винтовкой строевое приветствие.

«Таубада, – сказал он, используя эквивалент слова „хозяин“, которым приветствуют здесь всех белых мужчин, – носильщики... он пришел... чертовы черные коровы».

Хотя он и нарушал служебную дисциплину, употребляя эпитеты перед начальником, констебль Денго был прощен, когда подробно рассказал о двух днях и ночах, которые он и его товарищи потратили на захват носильщиков.

Капрал туземной полиции. Фото из книги Ричарда Хамфриса «Патруль в стране людоедов»

Весть о том, что «Моринда» высадила на берег четырех белых, отряд полиции и множество ящиков и сумок, как по волшебству пронеслась через залив Холл-Саунд к деревням Вайма и Кивори. Мужчин в прибрежных деревнях внезапно охватила одновременная тоска

по густым кустарникам, и тот факт, что Хамфрис, «человек, который встряхивает нас», был одним из этих белых людей, послужил еще большим стимулом для их поспешного перемещения в джунгли. Позже, когда я увидел методы Хамфриса при выслеживании их, его безошибочную способность находить отстающих и бездельников и заставлять их идти вперед, его ловкость в обнаружении тех, кто пытался обмануть его, притворяясь больным или раненым, я понял, почему эти туземцы не желали сопровождать нас.

Как же тогда их задержала полиция? Лишь несколько недель спустя, когда констебль Денго, назначенный моим телохранителем и санитаром, стал еще и моим другом, он рассказал мне, что просто играл на том факте, что папуас не может долго находиться вдали от своей деревни, не испытывая тоски по дому. Итак, полицейские направились прямо к Вайме и Кивори; но констебля не удивило отсутствие мужчин. В Вайме полиция остановилась якобы для того, чтобы поесть и отдохнуть. Полицейские валялись у костра, не обращая внимания на женщин и детей, собравшихся вокруг них.

«Почему самый главный начальник посылает нас так далеко за мужчинами для переноски грузов?» – «возмущен» один из полицейских согласно заранее составленному плану.

«Потому что, – ответил другой, – мы идем в горы. Прибрежные люди могут ходить только по ровной местности. В горах они не могут нести грузы, не падая. Зачем нам их брать?»

«А деревни Мекео далеко?» – спросил другой.

«Если мы будем идти быстро и без остановок, мы можем быть там завтра», – был ответ.

Затем полицейские поднялись на ноги и направились по тропе к Мекео.* Они не удивились, когда их сопровождал туземный подросток. Он тоже собирался в Мекео (как сказал он), и хочет воспользоваться их обществом. В ту ночь они остановились в другой деревне, в нескольких милях отсюда, и объявили, что снова отправятся в путь, как только пообедают. Они зашли далеко, и мальчик из Ваймы умолял, что слишком устал, чтобы идти дальше. Этого они тоже ожидали, зная, что он всего лишь шпионил за их передвижениями.

* *Мекео – район к северо-востоку от залива Холл-Саунд- А.С.*

Район Мекео (обведен красной пунктирной линией)

Верные своему слову, они пошли дальше, но как только скрылись из виду, повернули назад, обогнули деревню, которую только что покинули, и остановились на привал в джунглях на другой стороне. Однако, вскоре двинулись по дороге, ведущей к побережью, и вскоре после рассвета был замечен мальчик-шпион, быстро идущий домой.

«Хорошо, – сказал Денго, – Он расскажет, что мы отправились в Мекео, и люди Ваймы и Кивори вернутся в свои деревни. Мы будем медленно идти, и сегодня ночью, когда они будут спать в своих хижинах, мы застанем их врасплох».

Полицейские, использовали этот прием настолько ловко, что, когда построили людей и пересчитали их, носильщиков у них оказалось больше, чем нужно. Неудивительно, что мы нашли наших «вьючных животных» угрюмыми, когда вышли их осмотреть.

Позже, после завтрака, Хамфрис выстроил их в ряд, осмотрел, чтобы отсеять непригодных, заключил обычную сделку относительно еды, заработной платы и обращения, раздал одеяла и дал им слово, что, их грузы легче обычной нормы, и пообещал, что когда мы найдем носильщиков, более приспособленных к горным путешествиям, нынешние будут отправлены домой.

После первого всплеска протеста против похода в горы, внушавшего им страх, не говоря уже об опасности со стороны каннибалов, аборигены стоически восприняли свою судьбу. Но ночь за ночью, пока были с нами, они в страхе собирались вокруг своих костров, монотонно распевая об опасностях, на которые они идут, и размышляя о том, увидят ли они снова свои деревни и своих женщин.

Мы должны были выйти рано утром следующего дня и рано отправились спать. Но едва обменялись фразой «спокойной ночи», как по ступеням бунгало послышался топот босых ног и голос, почтительно, но настойчиво возгласивший: «Таубада, таубада!»

Коннелли встал, довольно раздражённый тем, что его заставили выкатиться из своей экранированной сеткой кровати и столкнуться с москитами. С пришедшим он обменялся несколькими словами на туземном наречии. Не пытаясь их понять, я не интересовался разговором, пока не услышал, как Хамфрис на соседней койке вскочил с каким-то восклицанием и вышел, чтобы принять участие в беседе.

Потом он вернулся и позвал, чтобы узнать, сплю ли я.

«Тебе лучше выйти и заняться этим, – сказал он, – В конце концов, куда мы идем и что мы делаем, зависит от твоего решения».

В этой фразе было что-то загадочное, и, явно, к этому было примешано немного волнения.

На веранде стоял лохматый туземец, на которого падали лучи большой лампы. Он устал с дороги, а его униформа деревенского полицейского была заляпана грязью равнин и забрызгана волнами, которые обрушивались на него, когда он с материка плыл на каное через Холл-Саунд.

«Этот парень, – сказал магистрат Коннелли, – представляет горную деревню, которая является последним аванпостом цивилизации и влияния правительства. В Капате, на территории за его деревней, туземцы неистовствуют и ведут войну с другим районом, Кевеззи. Ни Капатея, ни Кевеззи не находятся полностью под контролем правительства. Но они находятся сразу за пределами зоны, и этот парень говорит, что, если правительство не примет меры, война распространится на его деревню, а затем и на другие районы... Он мало что знает о том, что происходит, но совершенно очевидно, что затевается что-то серьезное. Его люди полагаются на обещание правительства защитить их, если они сами не будут сражаться. Это критическая ситуация. Если мы не появимся там и не протянем руку помощи, они потеряют веру в правительство и, скорее всего, вернуться к дикости».

«Но куда мне идти?» – спросил я.

«Вы направляетесь в горы недалеко от Капатеи и Кевеззи, – ответил Коннелли. – В сущности, ваши полицейские – это правительственный патруль. У вас есть магистрат и полиция, вы установите мир и избавите меня от необходимости самому организовать патрулирование. Поймите, я не молодой человек, и поход в горы для меня нелегкое испытание, у меня здесь нет помощника, и меня ждет моя работа... Будьте молодцами, ребята, и возьмитесь за это дело».

«Я предоставлю это Хамфрису, – ответил я, – Он лучше меня знает, как это повлияет на наши планы, и он настоящий руководитель этой экспедиции».

«Тогда, – быстро сказал Хамфрис, – мы начнем с вас, Кон. Пусть этот прибывший человек пойдет в казарму на ночь, а вы расскажете нам все, что слышали от него об этом деле».

Мы закурили трубки и откинулись на спинки стульев, а магистрат Коннелли отослал деревенского констебля и приготовился рассказать нам все, что ему известно о Капате.

«Для вашего блага, поскольку вы недавно приехали в Папуа, – сказал он, повернувшись ко мне, – мне лучше рассказать кое-что о горцах».

Я не буду пытаться цитировать его, а просто изложу своими словами то, что он мне поведал.

Природа, должно быть, пребывала в раздраженном настроении, когда создавала Новую Гвинею, ибо она сделала ее страной мрачных, неприступных, внушающих ужас хребтов, а жизнь ее диких народов – непрерывной борьбой за существование от колыбели до могилы. Над ними всегда витает тень смерти, ибо, если они не будут убиты и съедены врагами, окружающими каждое племя, им грозит голодная смерть из-за частых разрушений их каменистых, заваленных стволами деревьев огородов сахарного тростника и сладкого картофеля. Дичь в лесах

ограничена несколькими птицами, случайно встреченным кенгуру размером немногим крупнее крысы, и, возможно, страусом эму, заблудшим в горы из низменностей. Нет другого мяса, кроме мяса убитых врагов.

Так что в горах среди мужчин свиньи ценятся даже больше, чем их жены.

Женщин в горах больше, чем мужчин, потому что жертвами людоедов, в основном, становятся мужчины. Таким образом, между молодыми женщинами существует сильное соперничество за обладание мужчиной, подходящим для брака; и это обстоятельство дало женщинам право первыми предлагать «руку и сердце». Мужчина редко отказывается. Чем больше у него жен, тем больше его огород, который жены обрабатывают. Так что у каждого мужчины от двух до шести жен. Потеря одной из них мало что значит там, где можно немедленно получить другую.

Но потеря свиньи – это беда! Чтобы получить еще одну свинью, мужчина должен бродить по джунглям, ловить поросенка, выращивать его, вплоть до того, чтобы позволить ему сосать грудь своих жен и играть с их детьми. Таким образом, смерть свиньи часто влечет за собой убийство ради добычи мяса, а это убийство так неизбежно приводит к другим, что в настоящее время кровопролитие распространяется на целые деревни и племена.

«Деревенский констебль говорит, что это свинья вывела жителей Капатеи на тропу войны, – продолжил Коннелли, – Это ему стало ясно из того, что капатеяне выли и визжали на жителей другой деревни, расположенной на противоположной стороне глубокого оврага (почти пропасти); те выли и кричали в ответ. Я удивлен тому, что капатеяне, возможно, забыли то, как несколько лет назад мы были вынуждены послать к ним патруль, который жесткими мерами сделал их жизнь невыносимой, пока они не успокоились. Но настоящая тайна этого дела не в этом.

Обычно горец и не думает о путешествии ночью из страха перед лесными духами. Вот почему они в течение целого дня выставляют вокруг деревень часовых, но отзывают их с наступлением темноты, так как ночь – безопасное от набегов время. Они знают, что их враги так же боятся ночью духов, как и они сами, и что опасности нет, пока снова не наступит рассвет. Капатея почему-то избавилась от этого страха, и воины этой деревни теперь бродят по ночам, а на рассвете напали на деревню Кевеззи. Это еще один странный эпизод. Обычно папуасы все свои боевые действия ведут из засад и вообще не выходят на открытое пространство. А ведь именно этим теперь и занимаются эти капатеанские мерзавцы. Неудивительно, что горы в смятении. Так что, вы, ребята, должны докопаться до сути и водворить там тишину. Если бы я был моложе...».

Внезапно он прервал речь и вернулся в постель.

«Мы идем прямо в Капатею?» – спросил я, пока мы тоже не отправились в наши койки.

«Нет, – сказал Хамфрис, – Мы будем следовать нашему первоначальному плану, чтобы добраться до горы Юл, повернуть оттуда на восток, а затем на север к Капатею. Тем временем мы не будем скрывать, что идем туда. „Лесной телеграф“ сделает все остальное. Капатея и Кевеззи узнают об отряде полицейских в течение недели, когда молва будет передаваться из уст в уста внутри страны, и вояки быстро погасят свой пыл. Ты бы тоже так поступил, если бы хоть раз был в одном из этих карательных патрулей. Они создают для жителей ад. Вы идете в район и гоняете людей из деревни в деревню, не давая им покоя. Патрули разрушают их деревни, разоряют огороды, заставляя дикарей ходить вокруг да около, пока те не устанут и не сдадутся. Затем вы хватаете нескольких главарей и на некоторое время сажаете их в тюрьму. Если им случается убить полицейского, и вы можете доказать это, суд обычно вешает виновного. Однако такое происходит не часто. Достаточно дать им знать, что мы идем, и результат будет не менее эффективным, чем атака на деревни».

На следующее утро мы погрузили наши вещи в правительственный вельбот, посадили полицейских на весла и наблюдали, как наши носильщики грузятся на полдюжины больших каноэ и отправляются в путь.

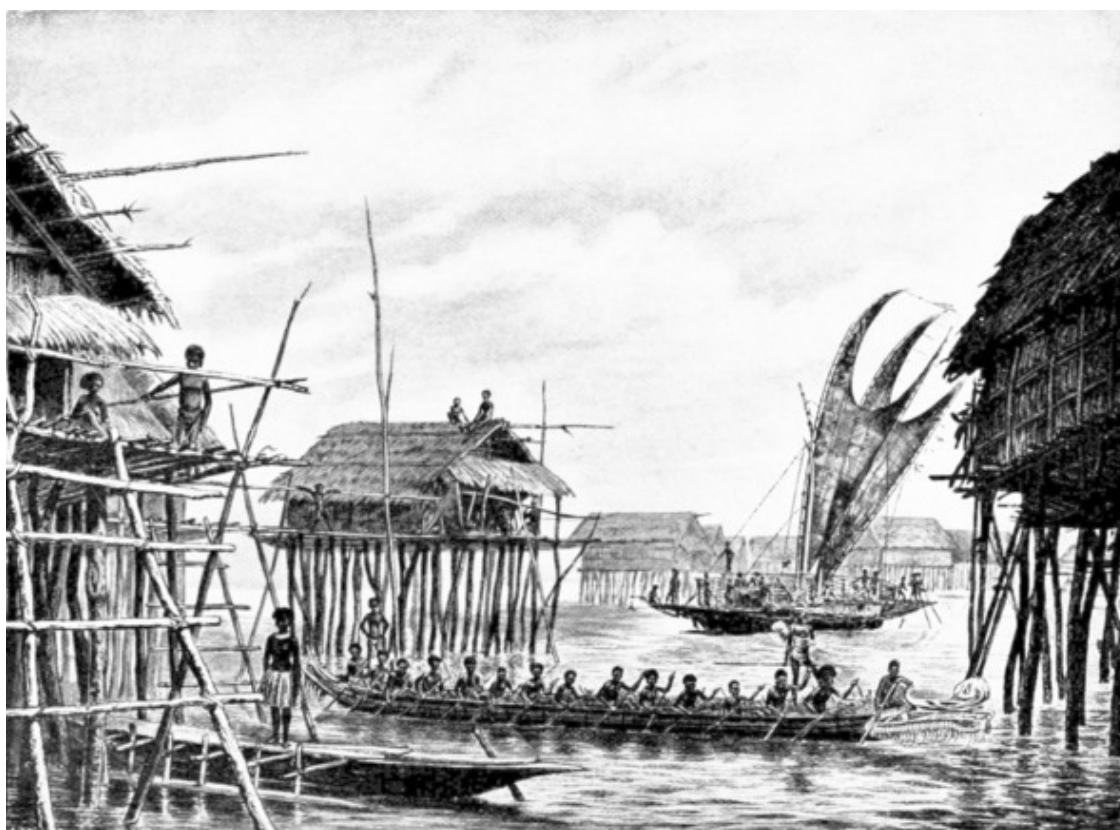
Деревня «прибрежных папуасов» в заливе Холл-Саунд. На переднем плане большое речное каноэ. На заднем плане парусная мореходная лодка «лакато́й»

«Ну, – воскликнул Хамфрис, когда мы прощались с Коннелли, – я вижу, Тата Коа еще жив».

Он махнул рукой старому туземцу, который почтительно стоял поодаль и ухмылялся.

«Я расскажу вам о нем и о колдовстве Новой Гвинеи, – продолжил Хамфрис, – пока мы пересекаем пролив. Это добрых пять часов пути, сначала до материка, а затем вверх по реке Этель до ручья Биото, где мы выйдем на тропу».

Глава III. Колдуны Новой Гвинеи

Если вам когда-нибудь придется пересечь пять миль водного пути между островом Йул и материком, вы будете вынуждены использовать «паром», принадлежащий Тата Коа. Другого пути нет.

«Паром» представляет собой всего лишь каноэ из бамбука с бревенчатыми балансиром, он очень, очень старый и имеет тенденцию опрокидываться в бурном заливе или неожиданно погружать вас в воду. При этом, держась за него, когда он снова всплывет на поверхность, вы сможете перевернуть его в первоначальное положение под аккомпанемент леденящей кровь ненормативной лексики белого человека, которая странным образом исходит из уст барахтающегося рядом Тата Коа.

В промежутках между поездками через залив Холл-Саунд, а их может быть не больше двух или трех в неделю, вы найдете Тата Коа где-нибудь на пляже, его иссохшие бедра опираются на пятки, когда он рвет пальмовые листья на полоски и плетет из них циновки, на которые есть большой спрос.

Если, вы знакомы с Тата Коа достаточно близко, то можете осторожно расспросить его о колдовстве, он одарит вас соблазнительной улыбкой из своего почти беззубого рта, а его старческие затуманенные глаза, довольно гипнотические и пугающие, когда Тата Коа сердится, приобретают блаженно-тоскующее по прошлым годам выражение.

Каноэ с бревном-балансиром

«Хозяин, – ответит он на удивительно хорошем английском, – я перевозчик, а не колдун».

«Как насчет твоего домашнего крокодила, который может превращаться в человека и пожирать людей? А твоя прирученная змея, которая жила в море, приплыла по твоему зову и укусила того, кого ты ей приказал укусить?»

«Хозяин, – возразит Тата Коа, но улыбнется, воскресив воспоминания, – Они исчезли, когда пришел белый человек с „пури-пури“, которое было сильнее моего колдовства».

«Пури-пури» – это новогвинейское название магии, колдовства, всего того, что туземец не может объяснить. В свое время Тата Коа был одним из величайших представителей этой «профессии». Но он разочаровался в могуществе магии и тем самым убил сказку.

Белый человек управляет Новой Гвинеей не так давно – немногим более тридцати лет, и даже сегодня его власть распространяется лишь вдоль побережья и на несколько миль вглубь суши. Кроме того, перст цивилизации вовсе не коснулся страны, туземец живет так, как жили его предки до него во всей их дикости, варварстве и каннибализме, и он преклоняется только перед одним могущественным существом – колдуном.

Два «дэнди» из папуасской деревни

Он не пойдет ни на охоту, ни в набег на соседей, ни засадит свои грубые, заваленные упавшими стволами деревьев огороды бататом или сахарным тростником, ни устроит пир, ни сделает что-нибудь еще, кроме как есть, дышать и спать, не посоветовавшись с колдуном... по собственному «тарифу» колдуна. Поэтому, если, войдя в туземную деревню, вы обнаружите одного человека, который выглядит более гладким и упитанным, менее мускулистым, более высокомерным, чем его односельчане, не сомневайтесь – это колдун.

К нему стекаются лучшие плоды огородов, самые жирные валлаби (небольшие кенгуру), лучшие куски человеческого мяса, зажаренные на раскаленных камнях. Он требует эти подношения, и он их получает. В противном случае он найдет «пури-пури» на тех, кто ему откажет, а это для уроженца Новой Гвинеи – конец всего.

Когда-то таким был и Тата Коа. Когда белый человек решил взять под контроль район (то мирным путем, то силой), где безраздельно властвовал Тата-Коа, он столкнулся с тем, что голый, неграмотный, свирепый колдун, знал кое-что необъяснимое.

От его отца, его деда, его прадеда передавались ему знания, которыми не обладали непосвященные в колдовство. По-своему, эти его предки были неплохими исследователями природы и психологами. Они обнаружили, что именно погода способствует цветению огородов и ловле рыбы, и, наблюдая за ее изменениями, они могли предсказать, увенчаются ли успехом посадки батата или рыбалки.

Они также узнали, что некоторые травы и растения облегчают болезни и что тепло имеет лечебное свойство. Также они обладали опасным знанием, что желчь определенной рыбы, сваренная в воде, одурманивает человека и лишает его чувств; что почти невидимые щепки бамбука, если они проникнут человеку желудок или кишечник – убьют его, что если человек хоть чуть-чуть поцарапает себя палкой, острие которой было воткнуто на несколько дней в разлагающееся мясо, смерть неминуема.

Но они прибегали к этим средствам только тогда, когда иначе не могли достичь своих целей. К гипнозу и мысленному внушению даже сейчас относятся с благоговением большинство белых и цивилизованных народов. Насколько же больше гипноз должен произвести впечатление на дикого уроженца джунглей Новой Гвинеи.

Так что Тата Коа в свои лучшие дни достаточно часто сообщал человеку, что тот умрет, чтобы он поверил в это, или что он выздоровеет, и он тоже верил в это. Если смерть казалась слишком отсроченной, старый негодяй прибегал к яду, искусно подмешивая его в пищу или в кокосовое молоко «клиента». Тата Коа знал действия ядов.

Он тоже был путешественником, наш Тата Коа. У колдунов соседних районов, и без того испытывавших благоговейный трепет перед его мастерством, он выпытывал секреты, которыми не владел.

Шарлатаны во всех странах и во все времена тщательно избегали того, чтобы какой-либо предмет из их обихода попадал в руки конкурента. Колдун Новой Гвинеи делает то же самое. Чтобы враг не творил против него магии, колдун очень тщательно воздерживается от того, чтобы выбрасывать что-либо, что он носит или к чему прикасается на глазах у других. Обглоданная им кость, украшения, которые ему надоели, даже остатки ореха бетеля, который он жует, сохраняются до тех пор, пока он не закопает их тайком в джунглях. Эта привычка была наиболее ярко выражена в округе, которым правил Тата Коа.

Старый колдун тоже был ловким лицемером. Его песнопения и заклинания, его таинственные аксессуары, его тайные приходы и уходы, его странные действия, когда он «расследовал дело», снискали ему широкую известность. Вдобавок к этому он обычно объяснял действием своих чар каждую смерть от несчастного случая, каждый несчастный случай, вызванный нападением змей или крокодилов, каждый нарыв или язву на человеческом теле, каждую болезнь, каждое несчастье, обрушившееся на его район. Он также не скупился на то, чтобы приписывать собственным усилиям удачу, выпавшую кому-либо.

Разоблачил колдуна Тата Коа находчивый британский магистрат. Он применил древнюю систему борьбы с дьяволом с помощью огня. Видя, что колдун мешает ему на каждом шагу, он сообщил, что в определенный день люди, если они соберутся в самой большой деревне, увидят, что белый человек может сделать против «пури-пури». Любопытство глубоко зарыто в уроженце Новой Гвинеи, и в указанный день пришли в большую деревню почти все.

Тата Коа сидел в первом ряду полукруга лицом к белому человеку. На камень чиновник положил немного пороха и, по-видимому, черной грязи, которую он зачерпнул с земли. Он устроил грандиозное шоу, взывая к солнцу о помощи, сфокусировал его лучи на порохе через увеличительное стекло, которое туземцы приняли за кусок гладкого белого камня, и произвел вспышку пламени и дыма.

Туземцы разбежались, но к тому времени, когда они снова собрались, на этот раз оставаясь на почтительном расстоянии, чиновник был готов повернуть еще один трюк. Ему повезло, что зрители наблюдали издали и не обнаружили, что винтовка, которую он поднял, была

не просто палкой. Он направил ружье на птицу, прогремели «гром и молния» (которые вырвались из конца «палки»), и птица упала замертво.

Затем последовал третий сюрприз. Он налил в раковину то, что выглядело как вода, но на самом деле было спиртом, и поджег жидкость. Таким же образом чиновник пригрозил поджечь море, но сделал вид, что смягчился, когда услышал тоскливый вой, сопровождавший его слова.

В качестве последнего трюка он продемонстрировал полный рот белых и блестящих зубов. Затем он провел платком перед лицом и спрятал в него вставные протезы. Его беззубые десны вызвали сильное волнение, но оно было незначительным по сравнению с удивлением, которое последовало за тем, как он повернулся спиной, сунул протезы обратно в рот и снова показал полный набор зубов.

«Теперь, – воскликнул чиновник, – пусть Тата Коа выйдет вперед и покажет свое волшебство».

Но Тата Коа убежал в кусты так быстро, как только мог. В конце концов, много недель спустя тоска по родной деревне вернула его, но его авторитет был посрамлен. Как колдун он был повержен. Со временем Тата Коа узнал секрет «магии», свергнувшей его с престола, и, будучи сам ловким манипулятором, оценил шутку над собой. Однако к тому времени он уже оставил занятие «пури-пури» ради работы в качестве «паромщика».

Тата Коа, однако, является исключением. Колдуны по-прежнему имеют власть в Новой Гвинее. В основном они следуют по тому же пути, что и Тата Коа, со своими собственными вариациями. Один колдун после периода тюремного заключения в Самарае каким-то образом увидел там большую радиостанцию и радиста за работой, и понял, что эта конструкция позволяет белому человеку разговаривать с другими белыми людьми вне поля зрения и слышимости. Сегодня в его деревне вы найдете миниатюрную «радиовышку», устрашающую и замысловатую конструкцию из палок и лиан, а с ее вершины свисают две длинные лианы с огромными морскими раковинами на концах. С этими «наушниками», прижатыми к его ушам, колдун утверждает, что способен слышать, что говорит любой, чей страх или уважение он желает завоевать.

У другого колдуна есть бутылка из темного непрозрачного стекла, вытасченная его предками из моря, которой он приписывает могущественные силы. В его районе туземцы с большим почтением относятся к тому, что они считают отрезком выдолбленного бамбука, выполненного в такой причудливой форме. Бутылка передавалась из поколения в поколение, с годами «набираясь силы», и у того, кто подержит эту бутылку в руках, будет лучшая охота, лучший огород, самая удачная рыбалка и прочая удача. Стеклобутылка колдуна ведет к успеху и счастью всю окрестность.

Так суеверие и невежество дикаря делают колдовство прибыльным делом. Дикарь покупает у колдуна обереги и амулеты. Он безоговорочно верит словам владеющего магией «пури-пури», он видит, как его враг умирает, как и обещал нанятый им колдун, он ступает тихо, чтобы не навлечь на себя гнев мага, и он щедро платит колдуну, чтобы защитить себя от козней колдуна нанятого соседями-врагами. Но он не берется решать проблему своими руками, по крайней мере, такая решительность наблюдается не часто.

Один местный констебль, получивший приказ арестовать колдуна из его деревни, отказался это делать. Колдун пригрозил ему медленной смертью, если он подчинится начальству. Однако, столкнувшись с альтернативой лишения униформы и престижа, полицейский повалил повелителя магии на землю и надел на него наручники.

Когда этот констебль и задержанный пересекли пролив, направляясь на каноэ к правительственному посту, колдун достал из крохотного мешочка длинную веревку, к которой было прикреплено множество маленьких палочек. Своими скованными руками он начал перебирать каждую палочку и при этом называл имя какого-нибудь умершего жителя деревни.

«Это, – объяснил он любопытному констеблю, – люди, которых я убил с помощью «пури-пури».

И так далее, пока не назвал семнадцать родственников своего похитителя.

«А те?» – спросил констебль, указывая на шесть оставшихся палочек в ладони колдуна.

«Это, – был ответ, – ты, твоя жена и четверо детей. Когда-нибудь, и очень скоро, их палочки будут привязаны к веревке».

После этого констебль, в безумном отчаянии и страхе, опрокинул каноэ и держал старого колдуна под водой, пока жизнь того не угасла. Затем он сдался магистрату и радостно отправился в тюрьму. Возможно, за те месяцы, которые он провел там, заключенный довольно точно все рассудил и рассчитал. Вернувшись домой уже не констеблем, он заявил, что колдун, будучи стариком, приказал себя убить, а взамен передал бывшему полицейскому секрет пури-пури».

Так бывший констебль стал новым колдуном, и если раньше он был помощником белого человека, то теперь стал его помехой.

В зависимости от района колдовство принимает разные формы. Существует культ Байгоны, или большой змеи, которая, как говорят, обитает на вершине горы Виктория. Главным представителем этого культа является старик, рассказывающий душераздирающую историю о своем посвящении, во время которого змея вырезала ему сердце, а затем снова зашила его. Если вы отказываетесь в это верить, он указывает вам на сморщенное человеческое сердце, свисающее на веревке над его хижинкой. Колдуны Байгоны основывают свои силы на двух снадобьях – оба предположительно имеют полезные лекарственные свойства. Через эти наркотики они претендуют на власть над жизнью и смертью, отказывая в них тем больным, кто не может или не хочет платить.

Есть также приверженцы Вада Тауна, самые страшные из всех колдунов, люди, которые живут в джунглях, избегают определенных видов пищи и часто демонстрируют свою силу, совершая жестокие убийства. Тот факт, что колдун из клана Вада Тауна находится в ярости, быстро становится известным, и деревни на многие мили вокруг принимают меры, чтобы защитить себя, сохраняя строгую тишину и никогда не покидая окрестности своих хижин. В течение нескольких дней ни мужчина, ни женщина, ни ребенок не произнесут ни слова, веря, что только таким образом намерения колдуна из Вада Тауна будут сорваны.

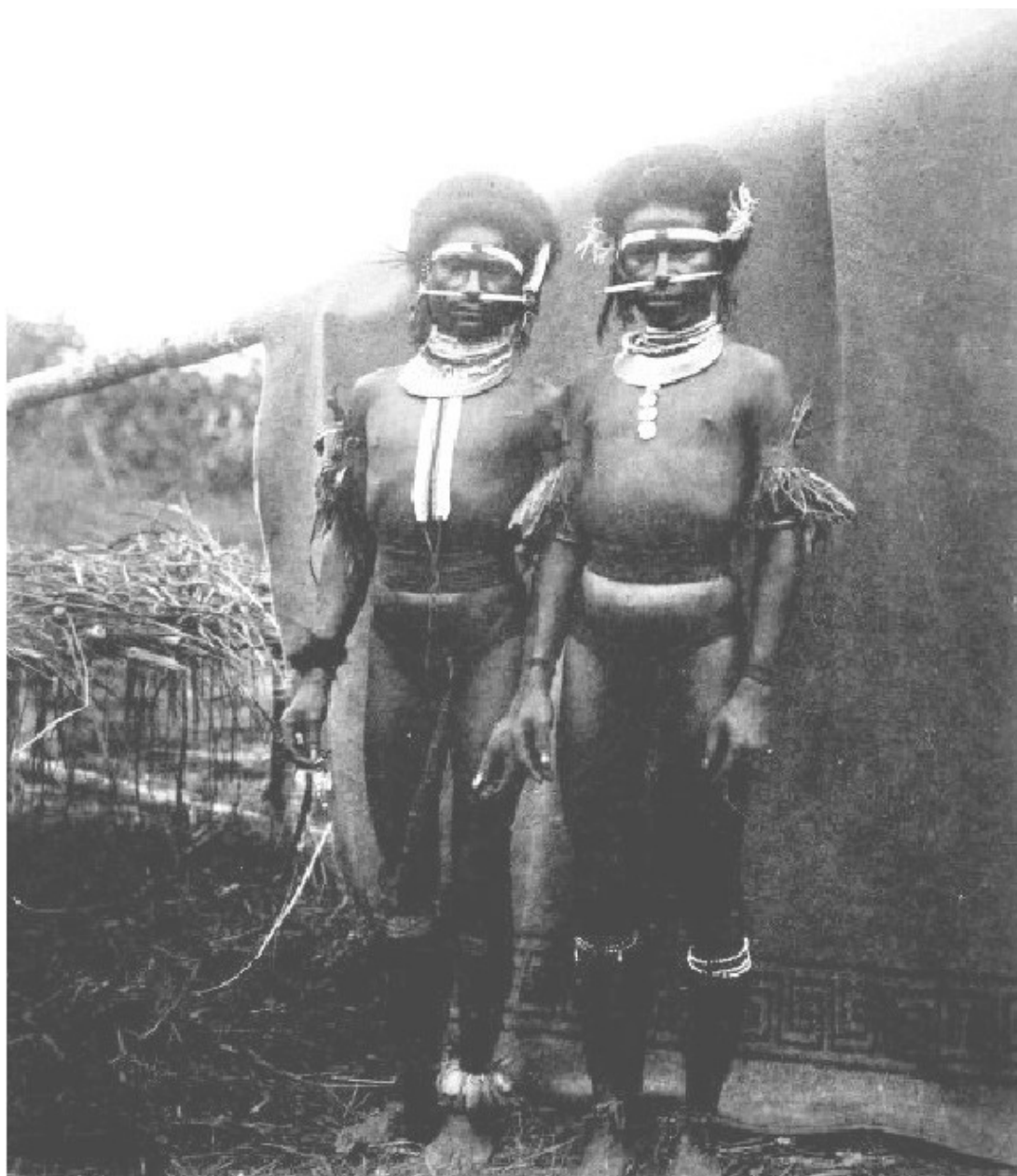
Туземцы тайно нанимают этих Вада, чтобы они убивали их врагов, и о колдунах можно сказать одно – они никогда не выдают своих клиентов.

Что характерно, эти колдуны редко притворяются, что их магия одолевает белого человека.

«Местная магия „пури-пури“ действует только на жителей Папуа, – говорят они, – „пури-пури“ белого человека хороша для белого человека, но она также работает против жителей Папуа».

И все же один местный колдун храбро пытался отомстить нам за то, что он посчитал оскорблением.

Глава IV. Мы разозлили колдуна

Чтобы добраться до материка от острова Йул, нам нужно было преодолеть пятнадцать миль по заливу, шесть по глубокому проливу и пятнадцать вверх по неглубокой, кишасей крокодилами реке, называемой Этель. Большие каноэ с выносными балансирами были заказаны в нескольких прибрежных деревнях, и особенно мы хотели получить одно большое каноэ из деревни Биото. Но прошло два дня, а это каноэ так и не появилось. Послали полицейского, чтобы пригнать его. Он вернулся с ним, но был ранен и так сильно избит, что едва мог стоять на ногах. Люди, которых он набрал в состав экипажа, выглядели ненамного лучше.

** Биото – деревня в 5 км к северу от залива Холл-Саунд на одноименной реке, впадающей в залив – А.С.*

У прибрежных племен есть давний обычай спускать на воду новые каноэ и устанавливать сваи своих домов с церемонией, требующей пролития человеческой крови. Власти думали, что приход цивилизации в значительной степени покончил с такой «церемонией» и что кровь была заменена на красную жидкость из грязи и сока дерева. В частности, никто бы не заподозрил жителей Биото в возвращении к подобной дикости, потому что это была одна из первых деревень, взятых под контроль властями, и европейский миссионер жил там много лет.

Туземный дом на сваях

Тем не менее традиции и суеверия так глубоко укоренились в чернокожих Новой Гвинеи, что Биото в течение целых двух дней игнорировал приказ магистрата о предоставлении каноэ, пока его жители искали жертву, чья кровь могла быть использована в древней церемонии. Известие о том, что полицейский придет для обеспечения порядка, побудило людей к немедленным действиям. В нескольких милях от Биото находится деревня Рапа. Между деревнями тлела вражда, начавшаяся несколько поколений назад, и, хотя страх перед белым человеком привел к своего рода перемирию, старая кровная ненависть все еще существует и вспыхивает по малейшему поводу.

Итак, воины Биото совершили набег на Рапу и похитили жертву. Полицейский добрался до того места, где каноэ лежало на берегу реки, как раз вовремя, чтобы вмешаться в битву между народом Биото и отрядом мстителей из Рапы, но слишком поздно, чтобы спасти пленника, чья голова была расколота на носу каноэ. Когда его тело было брошено крокодилам, каноэ столкнули в воду, и люди Биото сосредоточили свое внимание на отражении врага и сопротивлении представителю власти.

Таким образом, с самого начала наша экспедиция была окрашена кровью человека. Это все равно случилось бы, но это произвело на нас довольно неприятное впечатление, и мы еще не оправались, когда Хамфрис обнаружил, что некий колдун навел на нашу группу «сглаз» и что все носильщики уже знали об этом.

Двумя годами ранее Хамфрис посадил колдуна по имени Мира-Оа в тюрьму за занятие черной магией. Когда Хамфрис, отобрав нужные нам сто двадцать носильщиков из числа задержанных полицией людей, нашел среди них Миру-Оа, старик пришел в ярость. Полицейские не были впечатлены важностью и авторитетом колдуна в его родной деревне, применили к нему силу и привели его вместе с простыми туземцами.

«Я не пойду! Я не пойду!», – кричал Мира-Оа, прежде чем ему пообещали что-то серьезное, чтобы преподать урок и произвести впечатление на других, чтобы избавить нас от мятежа в будущем. Правительство запрещает своим чиновникам применять в отношении туземцев телесные наказания, поэтому Хамфрис приказал полицейским вытащить старого колдуна из толпы и поставить в ряд с теми, кто был вынужден сопровождать нас в качестве носильщиков.

Тогда Мира-Оа закатил истерику. Он упал на спину, кричал и пищал, как непослушный ребенок. Это произвело впечатление на туземцев, но мы проигнорировали их реакцию и позволили старику вопить. Когда был отобран последний из носильщиков и другим мужчинам приказали вернуться в свои деревни, Мира-Оа был среди тех, кого полиция согнала на пляж, чтобы накормить обедом из риса, солонины, бананов и кокосовых орехов. Мира-Оа стоял в стороне и с уязвленным достоинством отказывался есть то, что мы давали, но жевал какой-то кусочек, который его сморщенная, беззубая старая жена принесла из деревни.

Мы должны были отправиться рано утром следующего дня, поэтому рано легли спать. Однако ночью один из полицейских разбудил нас, сообщив, что Мира-Оа встревожил своих соплеменников рассказами об опасностях, с которыми им предстоит столкнуться, наложил на нас самое ужасное проклятие из своего репертуара и уже начал серию своих фокусов, прыжков и кривляний, рассчитанных на то, чтобы проклятие закрепилось и стало еще ужасней.

Когда мы спустились на пляж, колдун горбился над огнем, распевая какие-то странные заклинания и делая жуткие пассы над длинным стеблем бамбука. Хамфрис бросился в круг туземцев, окруживших колдуна, опрокинул старика на спину и отобрал у него бамбук. Конец стебля был залеплен грязью, и в него колдун вложил один из моих выброшенных окурков, карандаш, который выронил Хамфрис, и кусок фольги из рулона пленки для фотоаппарата Даунинга. Старик приложил все усилия, чтобы подобрать какой-нибудь предмет, который каждый из нас когда-либо держал в руках, чтобы проклятие коснулось всех белых экспедиции.

Нам, конечно, было очень смешно, и Хамфрис бросил весь этот мусор в воду, а потом сказал старому Мира-Оа, что он должен провести остаток ночи в тюрьме. Тогда колдун опять завыл.

«Знай, – сказал Хамфрис, – я не собирался брать тебя носильщиком, а только хотел научить тебя держать рот на замке. А теперь используй свою магию, чтобы снять проклятие, если не хочешь страдать так же, как предрекаешь нам».

Когда его вели в тюрьму, Мира-Оа повернулся и сделал какой-то зловещий пас в нашу сторону. Что бы это ни значило, это вселило ужас в его соплеменников, и они упали на землю и задергались в приступах рыданий.

«Этот старый дурак создаст нам проблемы, – предсказал Хамфрис, когда мы снова легли спать, – Я подержу его у нас день или два, а потом отправлю домой».

Насколько правильно он предсказал, выяснилось очень быстро.

Наше первое столкновение с Мира-Оа произошло, когда мы достигли Биото, в конце водного этапа нашего путешествия. Там вся наша еда и принадлежности, сложенные в пакеты весом по пятьдесят фунтов каждый, были выгружены из каноэ и выложены в длинный ряд. Возле каждого груза стоял один из носильщиков, ожидавший команды поднять его и отправиться по тропе к тому месту в четырех милях отсюда, где мы в первую ночь должны были ночевать в полудивилизованной деревне.

С тех пор как в то утро колдуна вывели из тюрьмы и предложили еду, от которой он отказался, старик хранил молчание. Он угрюмо и отчужденно сидел на носу каноэ, пока мы пересекали пролив и поднимались вверх по реке Этель, и хмуро смотрел на возню других папуасов. Дневной свет несколько уменьшил их страхи прошлой ночи, а также тот факт, что полиция незаметно распространила среди них слух о том, что колдовство не действует на белого человека и что черные ящики (фотокамеры), которые мы несли, содержали магию такой огромной силы, что проклятие Миры-Оа было снято. В любом случае, туземец Новой Гвинеи – беспечный ребенок, и пока ничего до сих пор не произошло, значит маловероятно, что колдун причинит много неприятностей.

Мира-Оа должен был что-то сделать или потерять авторитет и власть над своим народом. Когда пришел приказ поднять ноши, он стоял, скрестив руки на голой груди, и смотрел прямо перед собой. Он зарычал, когда полицейский ткнул его палкой, но не оглянулся.

Однако папуасский полицейский сообразителен, и двое из них быстро схватили старого Мира-Оа, положили его плашмя на живот и привязали к его плечам пятидесятифунтовый мешок риса. Потом ему помогли подняться на ноги, толкнули обратно в строй и подгоняли сзади штыком. Когда Хамфрис крикнул, чтобы колдун начал двигаться, старый Мира-Оа бросил взгляд на штык, вздрогнул и пошел, не дожидаясь укола.

Но взгляд, который он бросил на нас, проходя мимо, был полон ненависти и обещал скорую месть.

Глава V. Месть колдуна

«Таубада (хозяин), – сказал указывая на колдуна Денго, полицейский, который должен был стать моим денщиком и телохранителем, – я видел, как эта черная свинья пыталась заниматься „пури-пури“; я проломлю ему башку».

Это было обещание, которое Денго легко мог дать. Он был уроженцем деревни Мамбаре, в горах, в сотнях миль отсюда, и не питал никакого уважения к черной магии этого колдуна из прибрежной деревни. И все же, когда пришло время, Мира-Оа воспользовался единственной возможностью, рассчитанной на то, чтобы заставить моего полицейского поднять белый флаг. Ибо в районе Мамбаре процветает странный культ под названием Байгона, повелитель адептов этого культа – огромная змея, которая, как полагают, обитает на вершине горы и малейшее желание которой выражается устами тех, кто выдает себя за ее представителей. Туземцы Мамбаре обязаны повиноваться змее под страхом смертной казни. Уроженец Мамбаре уступает дорогу каждой змее и отводит глаза в другую сторону, чтобы случайно не показаться любопытным с целью узнать, куда гадина ползет.

В течение пяти дней наш путь пролегал через мрачные болота, по колено в грязи и воде, или через густую траву выше человеческого роста. Солнце яростно палило наши головы, и мы от этого сильно страдали.

Как только мы покинем низменности и попадем в предгорья, мы окажемся за пределами цивилизованной территории и быстро попадем в страну, которая никогда не была исследована и где люди живут в том же первобытном состоянии, что и их предки сотни лет назад.

Между тем нам ничего не угрожало. Страх перед полицией и тюрьмами белых держит под контролем район Мекео, который мы пересекали.

Старый Мира-Оа, казалось, смирился со своей судьбой, что касалось его поведения. Его больше не нужно было опрокидывать на землю и привязывать к нему ношу, и он ел так же усердно, как и любой из его соплеменников. Но он мало общался с ними, а сидел в стороне, завернувшись в одеяло, которым мы снабдили каждого из носильщиков. Когда он решал пройти по лагерю ночью, другие туземцы почтительно отступали в сторону, и он крался сквозь толпу с плотно сжатыми губами. Но глаза выдавали его. Когда он смотрел на нас, в них были яд и ненависть.

Униженный перед теми, над кем он господствовал, внушая им страх, вынужденный нести груз и не получающий особых милостей, он был задет за живое и размышлял о возможности и способе своей мести.

Когда этот старик, как и все, останавливался по команде для отдыха, он не опускался на землю и не расслаблялся, он не курил и не жевал бетель, как это делали другие. Вместо этого он ковырялся в кустах у обочины тропы или в высокой траве, где солнце палило сильнее всего. Он что-то искал, как мы невзначай заметили, но он прекращал это дело, когда видел, что мы смотрели на него.

Мы думали, он смирился с тем, что проиграл, и Хамфрис был готов освободить его от груза, прочесть ему лекцию о безрассудстве и бесполезности сопротивления воле белого человека, и отправить его домой. Но затем произошло то, что раскрыло затаенные намерения колдуна.

Апи и Каури, наши повара, возились над ужином рядом с палаткой, которую мы занимали ночью, когда мимо прошел старый Мира-Оа. Он остановился на мгновение, бросил быстрый взгляд на нас, когда мы переодевались в пижамы, затем вышел вперед и, говоря на мотуанском языке, который является диалектом, используемым между белыми людьми и теми прибрежными аборигенами, с которыми они завязали отношения, предложил развесить белье сушиться.

Это было удивительно, почти невероятно, но мы бросили ему белье, и он разложил его на покато́й крыше палатки. Затем он ушел, не сказав ни слова. На следующее утро, когда наши слуги принесли нам одежду, каждый из нас, троих белых, сделал открытие. Большие платки цвета хаки, которые мы носили на шее и которыми вытирали пот с лица, исчезли. Ночью их кто-то забрал.

В то время мы не связывали Мира-Оа с кражей, и нам не приходило в голову, что предложение повесить нашу одежду и кража носовых платков были существенной частью его заговора с целью отомстить. У нас также не было ни малейшего подозрения, что колдун хотел, чтобы месть приняла форму самой ужасной смерти, какую только мог вообразить его злой старый мозг. То, что он потерпел неудачу, объясняется исключительно тем фактом, что верность и преданность преодолели суеверие и традиции в мозгу чернокожего человека, который еще пять лет назад был самым диким и неукротимым каннибалом, который когда-либо преследовал другого такого же.

Первая попытка была предпринята в ту ночь, когда мы разбили лагерь в деревне Ориро-Петана. Как только он сбросил свою ношу, старик поспешил на дальний конец деревни и вошел в хижину, стоявшую особняком и обнесенную крохотной изгородью. Таким образом можно узнать дом деревенского колдуна. Мы видели, как он ушел, а Хамфрис усмехнулся и сделал какое-то замечание по поводу того, что старик ищет сочувствия у коллеги. Потом мы забыли о Миру-Оа, занявшись многими лагерными обязанностями.

В некоторых деревнях правительство выбирает одного из вождей и назначает его деревенским констеблем. Ему выдают форму, большой медный значок, который он вешает на шею, и пару наручников. В основном его обязанности состоят в том, чтобы содержать деревню в чистоте и поддерживать в исправности дороги между деревнями, а в случае серьезных преступлений арестовывать правонарушителей и доставлять их к окружному магистрату.

В Ориро-Петана констеблем был довольно дородный старик по имени Киали, он заметно суетился, распоряжаясь жителями деревни, пытаясь устроить нас на ночь. На самом деле, его представления о том, что мы хотели получить, были довольно туманными, и он немного нас раздражал.

Неподалеку от нашей палатки мы слышали, как он ворчливо отчитывает маленького мальчика, и Хамфрис, услышав их разговор, вышел наружу. Киали держал в руках три кокосовых ореха с обрезанными концами и пытался узнать у мальчишки, кто их нам прислал. По какой-то причине деревенский констебль всегда берет на себя задачу снабжать белых людей кокосовыми орехами, чтобы они могли освежиться молоком. Это дает констеблю возможность вытянуться по стойке смирно, вскинуть правую руку в приветственном жесте, затем взмахом ножа отрубить верхушку ореха и подать его посетителям.

Киали отсутствовал, когда мы добрались до деревни, и был лишен этой привилегии. Естественно, он разозлился, когда мальчишка подошел к палатке с тремя раскрытыми орехами. Мальчик, казалось, потерял дар речи от благоговения перед белым человеком, и Киали не продвинулся далеко со своим любопытством, когда вмешался Хамфрис.

«Дай мне орех, – приказал он, – мальчика нужно хвалить, а не ругать за то, что он принес их».

Киали стоял в свете фонаря, прикрепленного к шесту палатки, и держал по очереди каждый орех так, чтобы свет показывал количество молока внутри. Вероятно, его идея заключалась в том, чтобы дать магистрату лучший орех. Но вдруг он сильно разволновался и швырнул орехи на землю.

«Почему ты это сделал?» – сердито воскликнул Хамфрис.

Это выглядело как неповиновение, и в этом случае Киали ждало бы суровое наказание.

Босые пятки старика сошлись в строевой стойке, он резко напрягся, и пальцы коснулись его чуба.

«Хозяин – сказал он, – орехи были отравлены!»

Так и оказалось, когда мы их подобрали, разломали и внимательно осмотрел мякоть. Там оказались бесконечно малые кусочки бамбукового волокна, истолченные почти в порошок. Это излюбленный способ убийств папуасских колдунов. Смешанные с едой или питьем осколки проникают в кишечник, вызывают воспаление, высокую температуру и приводят к летальному исходу в течение нескольких дней.

«Мира-Оа!» – воскликнул Хамфрис и послал полицейского капрала схватить старого колдуна и привести его. Но Мира-Оа исчез, и когда на следующий день мы возобновили марш, уже другой человек нес его груз.

Что же касается Киали, чьи зоркие глаза заметили стружки бамбука, плавающие на поверхности кокосового молока, и, вероятно, спас нас от великих мук, если не от смерти, то он был награжден пятью табачными палочками стоимостью около двух центов каждая. Если бы он получил больше, то не оценил бы этого, но в своем черном уме заключил бы, что мы простаки, швыряющие ценностями.

Даунинг и я пришли в ужас от этого инцидента, но Хамфрис отмахнулся от него, пожав плечами. Человек, десять лет проработавший чиновником в Новой Гвинее, становится фаталистом и постоянно ожидает подобных вещей.

«Когда мы вернемся на остров Йул, я составлю рапорт о происшествии и пришлю полицейского в деревню Мира-Оа, чтобы арестовать его. – сказал он, – Старик, наверное, на время спрячется в джунглях, а потом вернется домой. Я хорошенько его напугаю и на этом успокоюсь. Во всяком случае, мы не можем доказать его виновность в этом преступлении, хотя уверены, что он виновен».

Мы также не могли напрямую связать старого колдуна с другим покушением, которое имело место примерно через двенадцать часов, но, принимая во внимание все, что было до этого, версия о том, что он виновен, кажется, имеет право на существование.

Ориро-Петана построен на восточном берегу реки, и, изучая той ночью грубую карту района, мы решили пересечь реку на следующее утро.

«Через территорию на другом берегу будет трудно пробираться, – сказал Хамфрис, – но нам лучше придерживаться этого маршрута. Он выведет нас напрямик туда, куда мы хотим. Оденьтесь легко, потому что в высокой траве будет жарко».

Когда всем нам удалось переправиться на двух каноэ, которые обнаружили на реке, был определен порядок движения на день. Денго и Ваймура должны были возглавить полицию и сопровождать Хамфриса и меня, поскольку они были нашими денщиками. Другие полицейские были рассредоточены по всей линии, чтобы поддерживать заданный ритм движения носильщиков, а капрал Сонана и двое других должны были замыкать колонну. Даунинг мог отходить в сторону со своей камерой. До тех пор, пока мы не находимся на враждебной территории, этот порядок марша будет работать очень хорошо и позволит нам, белым, идти впереди тяжело нагруженных черных, если мы захотим.

Итак, увидев вереницу носильщиков в движении, мы поспешили дальше. Ваймура шел вместе с Хамфрисом, я и Денго следовали в середине этой вереницы.

Внезапно Ваймура перепрыгнул через что-то на тропинке между высокой травой, которая росла со всех сторон от нас, и закричал. Я не понял значение слова, которое он выкрикивал снова и снова, но прежде чем Хамфрис успел выкрикнуть предостережение, Денго схватил меня за плечи, развернул вокруг себя и прыгнул перед Хамфрисом.

И тут я увидел ползущую прямо к нам змею. Она была от трех до четырех футов (90 – 120 см) в длину, и явно была очень зла. Она не стремилась уползти с тропы в сторону, а, казалось, собиралась напасть на нас.

«Боже мой, отойди!» – завопил Хамфрис и, схватив меня за запястье, бросился бежать. Мне казалось довольно постыдным бежать от такой небольшой змеи, но его хватка на моем

запастье заставила меня двигаться дальше. Хамфрис и полицейские увидели то, что я, новичок в Новой Гвинее, упустил из виду.

Когда мы бежали, Хамфрис через плечо позвал Денго, чтобы тот убил змею.

«Вот, таубада (да, хозяин)», – ответил полицейский, и через мгновение раздался выстрел его винтовки. Сколько душевных мук причинил Денго этот выстрел, легко догадаться, ибо он стрелял в гада, который, согласно его верованию, представлял собой владыку всего сущего... Но Хамфрис был его хозяином, и он повиновался приказу этого хозяина, хотя я не сомневаюсь, что в его уме было много опасений относительно того, какое наказание ему грозит.

Это говорит о том, как правительство Папуа обучает свою полицию. Набранный из дикой жизни, с ее свободой и отсутствием тяжелого труда, и превратившийся за полгода в дисциплинированного бойца, верного блюстителя закона и порядка, Денго в одно мгновение нарушил завещанную ему поколениями предков традицию просто потому, что белый человек приказал ему сделать это.

Денго сидел на корточках рядом с рептилией, напевая что-то на диалекте своего народа. Что, я не знаю, но когда мы подошли, он поднялся и стоял бесстрастно, ожидая дальнейших распоряжений.

«Я так и думал», – сказал Хамфрис, переворачивая мертвую змею носком сапога. Он указал мне на петлю из гибкой лозы, туго затянутую сзади на голове змеи.

«Мира-Оа», – сказал он, и то, что я услышал, меня озадачило. Но он отказался удовлетворить мое любопытство и настоял на том, чтобы идти дальше после того, как Денго осторожно унесет с тропы труп змеи и уложит его в траву.

«Если я не ошибаюсь, я могу показать тебе лучше, чем смогу рассказать», – сказал Хамфрис.

В нескольких ярдах дальше, за поворотом тропы, мы нашли другого полицейского, стоящего рядом с раскаленными углями. На огне стоял глубокий глиняный котел, а рядом с ним кусок дерева и камень, очевидно, крышка котелка и груз, удерживавший его. В пыли вокруг костра виднелись отпечатки босых ног. С одной стороны колышек был глубоко вбит в землю, а к нему был привязан другой отрезок такой же гибкой лозы, которая была на змее.

Все это выглядело для меня очень таинственно.

«Загляни внутрь горшка», – сказал Хамфрис, хотя сам этого не сделал. Палкой, которую нес, я перевернул горячую посудину и порылся в ней. То, что я обнаружил, было носовым платком цвета хаки, несомненно, одним из наших, который исчез двумя ночами раньше, когда старый колдун повесил нашу одежду сушиться.

«Я объясню это по ходу дела», – пообещал Хамфрис после того, как отдал приказ бросить горшок в траву, потушить огонь и убрать все его следы, а колышек вытащить и выбросить.

«Если бы носильщики были рядом с нами, они бы устроили маленький симпатичный мятеж. – сказал он, – Это один из любимых методов колдуна избавиться от врага, которого он не может отравить и не осмеливается встретиться с ним лицом к лицу. Старый Мира-Оа украл наши платки. Вероятно, тот, что ты видел в горшке, был моим, так как он хотел бы избавиться от меня больше всего.

Прошлой ночью Мира-Оа сбежал из деревни, когда его трюк с порошком из бамбука был обнаружен, и переправился через реку на этот берег. Рано утром он взял этот носовой платок и положил его вместе со змеей в горшок, предварительно завязав на змее петлю и привязав другой конец лозы к колышку. Затем он накрыл котел деревянной крышкой, положил на нее камень и развел огонь под горшком. Змея, измученная жарой, ассоциировала свои страдания с самым близким для нее запахом потного носового платка. Когда мы приблизились, колдун откинул крышку, и выпустил змею. Затем он перерезал виноградную лозу, зная, что разъяренная змея бросится прямо на того, кто имеет тот же запах, что и потный платок, который она обвиняла в своей боли. Другими словами, эта змея намеревалась напасть на человека, чей запах

был на носовом платке. В данном случае я верю, что это был я, но мог быть и ты, поэтому, когда я бежал, то тащил тебя за собой».

Тогда это звучало крайне нелепо. Звучит именно так и сейчас, хотя я видел в официальных отчетах правительства Новой Гвинеи описания подобных случаев.

Но для нас это был последний «привет» от старого Мира-Оа. Мы навели справки о нем, когда несколько недель спустя вернулись на побережье, но там его не видели уже несколько дней. Вероятно, весть о нашем возвращении достигла его, когда мы были еще далеко. Такие сообщения быстро передаются по «лесному телеграфу», и Мира-Оа, несомненно, решил, что недлительное изгнание из его деревни предпочтительнее встречи с нами.

Глава VI. Люди с хвостами

Это было в Рараи, селении округа Мекео, откуда мы слышали о беспорядках, происходящих в горной деревне Капатея. Несколько дней мы шли по заболоченной местности, направляясь все дальше вглубь суши. Ландшафт был однообразный, не вызывающий интереса; жители деревень, через которые мы проходили или где останавливались на ночлег, мало интересовались нами, а мы ими.

Это были обычные большие селения с избытком кокосовых пальм, с десятком или более соломенных хижин на сваях, окруженных заборами, чтобы не пускать диких свиней и не выпускать домашних. Известие о нашем прибытии неизменно опережало нас на много часов, так что почти везде деревенский констебль, одетый в бросающуюся в глаза форму (на фоне голых соплеменников) и с медным служебным знаком, свисавшим с шеи на цепочке, всегда был готов приветствовать нас.

С пятками вместе, с до боли выпрямленными ногами, он салютовал каждому из белых мужчин, затем отрубал верхушку кокосового ореха огромным ножом и протягивал по одному каждому из нас, чтобы мы могли освежиться кокосовым молоком.

Обычно лохматые туземцы беззаботно занимались своими делами и уделяли нам мало внимания. Правительственные патрули были для них обычным явлением. Иногда дети с раздувшимися от переедания животами с любопытством слонялись вокруг, пока мы разбивали лагерь на широкой деревенской улице, и обычно несколько женщин робко появлялись, бросали к нашим ногам связки бананов, батата или кокосов и торопливо удалялись.

На этой полудивилизованной, миролюбивой территории полицейские заставляли грузчиков работать, справедливо распределяли грузы, устанавливали и собирали палатки и выполняли рутинные обязанности тихо и эффективно, лишь изредка приходилось отдавать приказы, чтобы направлять их деятельность.

Так получилось, что нам троим было комфортнее идти вместе, часто далеко впереди основной группы носильщиков. При этом Хамфрис рассказывал о туземных привычках и обычаях, которые оказались весьма интересными для новичков, таких как Даунинг и я. Во время одной из таких бесед я спросил Хамфриса о хвостатых людях, которые, по слухам, обитают к Новой Гвинее, хотя этот миф уже давно развеян.

«Забавно, что ты об этом спрашиваешь, – сказал Хамфрис, – Случилось так, что мы только что начали освоение района Мекео, и именно там история о хвостатых людях имела свое начало и конец. Я расскажу вам эту историю, хотя она больше походит на туземную легенду. Правдивость я не гарантирую, но тем не менее...»

В течение многих лет деревни вдоль побережья и к западу от Мекео терроризировались набегами каннибалов, которые нападали на жителей без предупреждения, убивали мужчин и уносили их тела на съедение, сжигая их деревни и похищая женщин. Те, кто убегал, всегда говорили, что налетчики были людьми с хвостами, что почему-то казалось им необычайно ужасным.

Наконец настало время, когда одна из этих деревень потеряла большую часть своих мужчин и больше не могла оказывать действенного сопротивления. Поэтому, когда в следующий раз появились налетчики Мекео, они нашли в деревне только самых красивых девушек, а на деревенских кострах – кипящие котлы с лучшей едой. Те, кто пришел убивать и жечь, остались здесь жить и больше не терроризировали гостеприимных хозяев. Таким образом, деревня избежала дальнейших атак и стала дружелюбной по отношению к своим бывшим врагам. Также выяснилось – то, что в своем ужасе местные жители приняли за хвосты народа мекео, были просто длинными концами набедренных повязок, которые воины делали из мягких внутренних волокон дерева.

Под кажущимся дружелюбием коренных жителей деревни тлео пламя негодования и жажды мести. В открытом бою они не могли противостоять воинам мекео. Но они задумали преодолеть этот недостаток хитростью.

Воины мекео были приглашены на большой пир в большой дом, который был местом собраний всей деревни. Как и во всех новогвинейских хижинах, построенных на сваях, пол был сделан из бамбука, прикрепленного к каркасу лианами. Между жесткими стеблями бамбука были щели, чтобы в холодные ночи тепло костров внизу могло согреть жильцов.

Когда мужчины мекео присели на корточки на полу около горшков с едой они осторожно опускали концы своих «хвостов» в эти щели, чтобы они не мешали. Под домом собрались несколько смельчаков и тихонько связали «хвосты» вместе. Тогда жители деревни набросились на своих гостей с каменными дубинами, а мужчины-мекео, не в силах подняться, стали легкой жертвой и их мясо пошло в котлы пирующих победителей. Так что нынешние мужчины-мекео больше не оставляют длинных концов своих набедренных повязок. Они отрезали их близко к телу». *

** Эту историю о «людях с хвостами» также приводит в своей книге «Папуа, или Британская Новая Гвинея» Хьюберт Мюррей, уже упомянутый вице-губернатор этой колонии – А.С.*

Туземцы Мекео, которых мы нашли, были меньше ростом и немного темнее, чем люди с побережья. Чем дальше мы продвигались вглубь, тем черней и черней они казались, а горцы были очень черными. Это приписывается тому факту, что горцы, вероятно, являются единственными настоящими папуасами, теми, чья кровь никогда не смешивалась с кровью меланезийских захватчиков, прибывших сюда много веков назад.

У мужчин Мекео не было лохматых кустистых голов, которые можно увидеть на побережье. Вместо этого их волосы вьются тугими маленькими локонами над головой, а женщины подстригают волосы очень коротко. Женщины выполняют тяжелую работу, а мужчины только отдают приказы.

«Это, – сказал Хамфрис, когда мы проходили через брешь в толстом заборе, – Рараи, последняя из относительно цивилизованных деревень, которые мы миновали. А это старый Форнье, деревенский констебль. Он служит полицейским много лет, может быть, дольше, чем любой другой туземец; он уравновешен и надежен. Я собираюсь взять его с собой. Как только мы устроимся, зайдем в католическую миссию и посмотрим, кто там».

В миссии мы нашли священника. Отец Гонсалес, высокий бородатый мужчина, проводивший треть века в Новой Гвинее и один из тех первопроходцев, которые усердно охотились за папуасами далеко в глубине страны, чтобы сделать из них новообращенных христиан. Это он поднял тревогу о происходящем в Капате и послал полицейского гонца к Коннелли.

«Расскажите нам все, что вы знаете об этом, отец. – взмолился Хамфрис, – Кажется, в этом деле есть что-то странное».

Отец Гонсалес послал своего слугу принести бутылку вина и понизил голос, чтобы ни один туземец, знающий английский язык, не мог подслушать и распространить слухи.

«Ты служил во многих местах, сын мой, и, возможно, знаешь людей, – сказал он, обращаясь к Хамфрису на отличном английском языке, который он тщательно выучил в качестве уступки тому факту, что должен сотрудничать с британским правительством, – Но тебе не приходилось часто иметь дело с жителями Главного хребта.* Они хитры, умны и находчивы, а их обычаи выше понимания белого человека. Тридцать два года я работаю в Новой Гвинее и до сих пор не проник глубже поверхностного суждения о туземцах, чтобы понять горцев. Тех, кто окружают меня день за днем – я понимаю их; а те, кто живет на следующей горе – для меня закрытая книга».

** Оуэн Стэнли, горный хребет, расположенный в юго-восточной части острова Новая Гвинея – А.С.*

Хребет Оуэн Стэнли (синие стрелки)

Он сделал паузу и задумчиво отхлебнул вина.

«Из них таинственная Капатея, всегда была закрытой книгой. И все же в этой стране противоречий за все время моей службы не случилось ничего более странного, чем эта вспышка агрессии. Не то, чтобы война из-за смерти свиньи – это что-то новое, – поспешно вставил он, чтобы мы не подумали, что он преувеличивает, – но способ, которым ведется война – это открытые нападения. Однако, этот Япице, как я слышал, на самом деле, является „сыном гор“, будучи рожденным в деревне Тавиви. Его личность должна быть незаурядной, чтобы управлять как он своим народом, чтобы заставить их отказаться от вековых традиций и обычаев. Говорят, что у него есть волшебный рожок, и с помощью его звуков он направляет своих воинов, заставляет их атаковать, отступать, садиться и слушать его, или сражаться, как фанатики. Я хотел бы увидеть его. Ты должен пообещать мне, сын мой, что, если ты схватишь его, ты вернешься назад через эту миссию, чтобы я мог увидеть его. Какая же у него сила, если бы его влияние можно было обратить во благо, а не во зло!»

«Как я понял, вы ничего не знаете о Япице?» – спросил магистрат.

«Ничего, сын мой, кроме того, что я сказал тебе. Но это тот, кого ты должен победить, если хочешь усмирить Капатею. Прости меня, если я злоупотребляю своим советом, но я живу здесь дольше, чем ты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.